

РТ: Позвольте перейти к литературным проблемам. В нашей стране можно все чаще встретиться с утверждением, что литература умирает, что современные писатели просто не успевают осмыслить происходящие в бывшем СССР перемены. В журналах публикуются ранее запрещенные произведения. Современные литераторы как бы находятся в растеря-

лись. Всякая книга, а я написал 36 или 37 книг, каждая моя книга содержала в себе поиск ответа на человеческие проблемы. Главное в них я высказал. Возвращаться нет смысла. Повторять себя — тем более.

Мне кажется, что время наступило такое, когда литература, искусство стали как бы побочными, не главными явлениями... Сейчас все ищут

смысл из Киева. Он сообщил мне, что я болен и что он может меня вылечить. Посоветовал в определенное время вечером повернуться лицом к его городу и улавливать волны, которыми экстрасенс обещал меня вылечить. Забавно. Здесь в Польше мы наблюдали по телевидению сеансы Кашпировского. Удивительно. Мужчина на экране говорит «Один,

цивилизаций. Это тоже как своеобразная религия. Да, есть несколько миллионов звезд, похожих на Солнце. Миллиарды галактик. Некоторых серьезных ученых убеждает ужас — не может быть, чтобы человечество было в одиночестве. Ссылаются на теорию вероятности. Дескать, она свидетельствует в пользу существования разумной жизни в космосе. Может быть,

дация космической отрасли — это тоже очень дорого и потому невозможно.

РТ: Пан Лем, вы ни во что не верите. Допустим. Но в каждом человеке есть что-то и от Бога, и от Дьявола. Как вы думаете, от кого больше?

Станислав Лем: Статистически как бы Дьявола больше.

РТ: Может быть, это соотношение меняется в зависимости от времени?

Станислав Лем: Да. Как и от общественного устройства... Существуют люди, которым очень приятно причинять зло другим. Во всех возможных условиях. Но есть и такие, которые совершают зло под внешним давлением, скажем, НКВД, полиции или других структур. По-разному бывает. Я, например, как мог, старался не причинять другим зла. И ничто меня к этому не подталкивало. Хотя зла я видел много. Тем не менее я остаюсь умеренным оптимистом. Не хотел бы вновь обращаться к товарищу Сталину, но, видимо, придется. Ему принадлежит известная фраза, что политические лидеры приходят и уходят, а народ остается. Правда, он это говорил о Германии. Общая тенденция такова, что все должно идти к лучшему. Важно, чтобы ум человеческий мог бы победить общее идиотское направление, которое нас терзает. А с другой стороны, надо иметь в виду то, что там, где люди имеют слишком много денег и слишком хорошо живут, они очень несчастны. В Швеции, к примеру, в США... Задумайтесь, почему в богатых странах такой высокий процент самоубийств, особенно среди стариков.

РТ: Пан Лем, вы близко знали советских космонавтов. А как складывались ваши отношения с нашей страной в целом... Все-таки ореол антикоммуниста Вам, видимо, мешал...

Станислав Лем: Да, меня не любили. Не приглашали ни в страну, ни в посольство. Даже в генконсульстве в Кракове меня не хотели видеть. Во времена Андропова Черненко и позже я был для вас персоной нон-грата. Но простые люди, русские читатели меня всегда любили.

РТ: Пан Лем, последний вопрос. Что бы вы хотели, пользуясь случаем, сказать гражданам бывшего СССР, просто читателям «Рабочей трибуны»?

Станислав Лем: Пожелания — это вещь дешевая. Но я бы сказал, что не надо терять надежды на будущее. Вы еще всего не потеряли. Было такое время, что немцы стояли под Москвой, я даже был на этом месте, полностью обелись в память защитников Москвы... Потом немцы получили свое... Правда, тогда Советский Союз был сильнее. Так что, люди, не надо терять надежды.

РТ: Спасибо за беседу. Желаем вам здоровья и новых книг.

Беседовали
Александр ОСЬКИН.
(Наш спец. корр.).
Федор ЛАБУТИН.
(Наш соб. корр.).
КРАКОВ—ВАРШАВА.

Станислав ЛЕМ:

К океану со своей ложкой воды

Работа в трибуна - 1992 - Ноябрь

ности. Не знают, что писать и как писать. Вам легче, вы всегда писали фантастику. Вы часто абстрагировались от реальной жизни и строили свои модели общества. Скажите, а как вы себя сегодня чувствуете как писатель?

Станислав Лем: Я с 1988 года не пишу беллетристики. Скажу откровенно — мне уже не надо зарабатывать на жизнь. Мои книги издаются и переводятся во многих странах. Огромными тиражами я издаюсь и у вас, на русском языке. Хотя не получил из вашей страны ни копейки. Гонорары мне не выплачивали...

РТ: Жаль. Мы постараемся сообщить об этом нашим читателям...

Станислав Лем: Но в целом писательский труд — очень тяжелый. Когда я только начинал писать 45 лет тому назад, мне казалось, что никакая большая ответственности фантастика не несет. Но я ошибался. Даже построение гипотетических общественных моделей в фантастической литературе не проходит для реального общества бесследно. Речь ведь не о счастливых или несчастных любовных историях: Колька любит Катю, а Катя — Васю и т. д. Меня интересовала судьба рода человеческого и других разумных существ. Поэтому я старался найти ответы на самые трудные вопросы: почему космос молчит? Почему мы ничего не слышим, не принимаем сигналы других цивилизаций? Почему профессор Шкловский, который вместе с американцами разработал программу поиска внеземных цивилизаций, резко от нее отказался? Удивительно — откуда мы все взяли?

Меня никогда не занимала жизнь ангелов, но всегда — реальные и крупные философские проблемы. Именно поэтому у меня существует некоторое отвращение к общей волне мировой научной фантастики... Хотя всю ее трудно назвать научной.

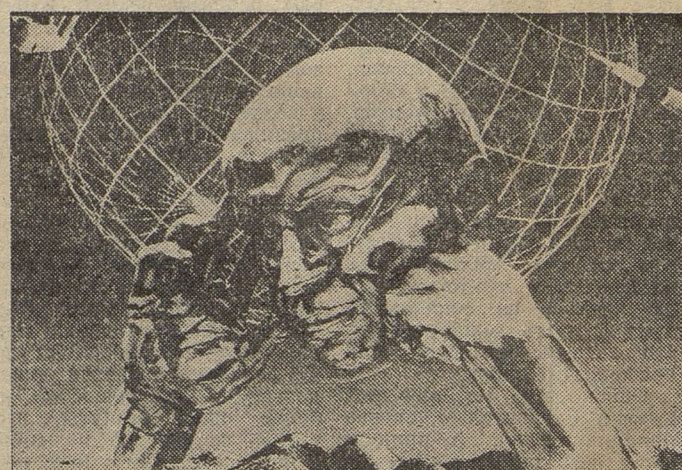
Некоторое время, как и братья Стругацкие, я маскировался. Частично маскировался. Старался не быть ортодоксальным по отношению к коммунистическому обществу. Сейчас ситуация поменялась, коммунизм ушел, но проблемы человечества оста-

деньги, делают деньги. Люди стремятся купить больше вещей, машин. В обществе, и у нас и на Западе, наблюдается значительное расслоение. Некоторые могут себе позволить все, как, скажем, супруга бывшего диктатора Маркеса, которая имела 20 тысяч пар ботинок. 15 тысяч платьев... Зачем? Это значит, что она не имела практически ничего. Я, к примеру, имею пять пар ботинок — мне хватает. А если иметь пять тысяч — что с ними делать, кидать обувь в прохожих? Безумие. Имеющий слишком много — кончает плохо. Часто — самоубийством, как Мерилин Монро. Ежедневно в мире выходит пять, десять а может, и сто тысяч книг. И вы приходите к этому океану со своей ложкой воды и говорите: вот простите, моя ложка... Нет. Мне этого уже не надо. Главное я уже сказал. А кроме того — уже и время другое, да и силы не те.

То, что я должен был сделать в этой жизни, я уже сделал, и думаю, не совсем плохо, хватит с меня. Кроме того, я никогда не чувствовал себя камикадзе. Никогда не стремился бросаться, скажем, на коммунизм, чтобы уничтожить его. Зачем? Он сам себя изжил... Недавно я прочел в журнале «Новый мир» А. Солженицына «Бодался теленок с дубом». Это же история Вавилона, ей 6 тысяч лет. Зачем все это ворошить? И так много писать, и так долго? Все это прах. Длинно, неприятно и тяжело.

РТ: Для нас, к сожалению, «Теленок...» — это не такая давняя история, как Вавилон. Хотя эти литературные мемуары действительно длинноваты... Но позвольте еще один вопрос. Наша газета уделяет большое внимание фантастике. Регулярно мы печатаем полосу «На грани фантастики». Под этой рубрикой описываются различные аномальные явления — проблемы НЛО, телекинеза, полтергейста и т. п. Вы не раз писали о нереальном, даже абсолютно невозможном. Скажите, а как вы относитесь к тому, что в нашей жизни происходят что-то непонятное — появляются НЛО, люди летают на расстоянии и т. п.

Станислав Лем: Не верю. Ни во что не верю... Как-то мне написал письмо экстрасенс из Киева. Он сообщил

два, три... И якобы лечит. Я тоже мог бы так говорить. Ерунда все это. Попытайтесь меня и заигнотизировать. Нулевой эффект.

РТ: Говорят, что сильные личности гипнозу и внушению не подвержены, а слабые и больные — в значительной степени.

Станислав Лем: Не знаю. Я не верю. Ни во что не верю. Я скептик. Стопроцентный скептик. Однажды я заколебался по поводу существования летающих тарелок. Это было тогда, когда поступили фотоснимки из Англии о следах НЛО. Потом оказалось, что все это мистификация, шутка двух веселых джентльменов. Нет, ничего нет. Не верю. Ни в Бога, ни в черта. Но вместе с тем удивительно само то, что мы существуем. Не ясно — откуда мы взялись. Откуда появился сам род человеческий?

Зигмунд Фрейд писал, что каждое верование является неврозом. Может быть. Правда, некоторые неврозы существуют уже две тысячи лет. Я не «за», я не «против». Просто отношусь скептически. Почему не верю в «тарелки»? Если бы такие летательные аппараты действительно существовали, то неизбежно один из них потерпел бы аварию. Такого уж свойства любой техники. И каждый мог бы убедиться в существовании тарелок. Увы. Таких фактов нет. Поэтому я считаю, что и тратить время на дискуссии об НЛО не имеет смысла.

Некоторые американские и немецкие астрофизики продолжают упорно настаивать на существовании внеземных

Но даже в этом случае огромные космические расстояния делают контакт с ним невозможным... Я знал некоторых советских космонавтов. Это сейчас их столько, что всех и не запомнишь. Но тридцать лет назад я лично знал многих. Помню, что даже как-то ужинал в доме у космонавта Егорова. И вместе с ним тоже вел дискуссии на подобные темы. Но я всегда высказывался скептически и по аномальным явлениям, и по инопланетянам...

РТ: В нашей стране уже продолжительное время ведутся дискуссии о будущем космонавтики. Высказываются предложения — свернуть космические программы, а высвободившиеся средства направить непосредственно на человеческие нужды, на улучшение благосостояния народа. Что вы думаете о подобных атаках на космические программы? Может, действительно вместо «Буранов» и «Энергий» покупать пшеницу и выпускать строительные машины?

Станислав Лем: Это сложная проблема. В Западной Германии, насколько я знаю, были введены ограничения на исследования в области космоса. США отказались от некоторых привлекательных космических программ. Наверное, для окончательного решения проблемы ограничения космических полетов необходим точный экономический расчет. Только объективный анализ может показать, насколько выгодно, скажем, продавать места для полетов в космос другим странам и окупать собственные исследования. Полная ликви-